

III. История культуры

Екатерина Дайс

Гностические мотивы в современной русской литературе

«...и нет под снегами дороги домой в
твердыню полярной плеромы...»
Алексей Цветков Старший

На протяжении XX века русская культура переживала три волны мистицизма. Первая связана с Серебряным веком, оккультными кружками, увлечением теософией и Рудольфом Штайнером, гимнами Орфея и древними мифами. Это – эзотерический Ренессанс, оборвавшийся в начале 1930-х. Вторая волна связана с эпохой «Реабилитанса». Советские мистики и их ученики возвращались из лагерей, выходили из подполья. Это эпоха салонов, воспетых русскими рокерами, эпоха «Южинского переулка» и Юрия Мамлеева, из которой тянутся нити и в наше время. Третья волна мистицизма XX века приходится на распад СССР, и характеризуется возобновлением интереса к эзотерике разного рода. Все три волны делались разными людьми, в отличающихся исторических обстоятельствах, в условиях доминирования ортодоксии, фактического запрета христианства и, в наше, секулярное, постхристианское время, когда официальная религия не влияет на реальную жизнь человека или влияет в меньшей степени, чем хотелось бы религиозным деятелям.

Рассматриваемый нами период относится к третьей волне мистицизма, участники которой в большей мере свободны от противопоставления себя христианству или иной, светской вере, которой, несомненно, являлся коммунизм.

В этом смысле идеи гностицизма должны представлять нам в более чистом, первоизданном виде. Авторы, не боящиеся ни церковной, ни светской цензуры, практически впервые в истории России говорят не на языке Эзопа, а на языке эзотерики. С другой стороны, тот факт, что в последнее время было написано множество книг по эзотерике, а ранее тайные знания передавались изустно, связывается с утратой живой традиции, с тем, что древняя форма трансляции от учителя к ученику отмерла вместе с содержанием тайных текстов. Это своеобразный «The Media is the Message» наоборот, где утрата сообщения привела к утрате канала связи.

Если сравнивать вторую и третью волны русского мистицизма, то можно легко обнаружить то, что вторая волна была практически бессловесна, а если внутри неё и появлялись авторы, способные облечь свои откровения в слово, то они неизбежно оказывались за границей (Юрий Мамлеев, Александр Пятигорский, Аркадий Ровнер), либо дожидались третьей волны – Евгений Головин, который начал писать сравнительно недавно, до этого довольствуясь религиозными «перформансами», об одном из которых вспоминает Аркадий Ровнер: «Как-то ночью вокруг Головина собрались главные люди России. Дело происходило на даче, и выпивка закончилась. Вокруг на десятки вёрст не было магазинов, а те, что были, были закрыты... И тогда Головин встал и сказал собравшимся: "Господа, только ли на алкоголе мы умеем летать? А без него что, слабо? Предлагаю вскрыть себе вены и сделать коктейль из нашей крови!". И тогда все присутствовавшие начали пилить себе вены кухонными ножами и цедить кровь в стаканы. И градус опять полез вверх – равновесие было восстановлено»¹.

Российская культурная элита насквозь пронизана внутренними связями, лучше всего это выражает пословица «круг тесен, а прослойка тонка». Особенно это касается русской эзотерической элиты. Так, «последний русский алхимик» Евгений Головин был центром Южинского переулка – эзотерического салона, располагавшегося в тесной квартире писателя-мистика Юрия Мамлеева. Головин был одним из последователей Георгия Гурджиева², старшим товарищем журналиста-мистика Игоря Дудинского и Артура Медведева, издававшего журнал *Волшебная гора*.

Головин, писавший тексты для рок-песен, соединяет мир советского писательского подполья и гностический мир русских рокеров. Песни, написанные им в соавторстве с Александром Ф. Склярком из рок-группы «Ва-банкъ», становятся мостом между сакральным и профанным, между андеграундом и массовой культурой. Головин и Скляр сделали совместно три альбома: *По направлению к танго* (1998), *Ведьмы и стервы* (2002), *ДендиДиана* (2004), проникнутых, как впрочем и всё творчество Евгения Головина, духом алхимического Делания в Чёрном, и связанных с поиском Вечной Женственности, которая появляется под разными масками: от девочки-малютки до ведьмы и Великой Матери. Песня, не вошедшая в эти три альбома, однако, известная тем, что дала название рок-фестивалю Александра Ф. Скляра «Учитесь плавать», была написана ещё в то время, когда Головин сотрудничал с Василием Шумовым из группы «Центр». Интересно, что Шумов и Скляр играли вместе в рок-группе, предшествовавшей «Центру», которая носила нумерологическое название «777»³.

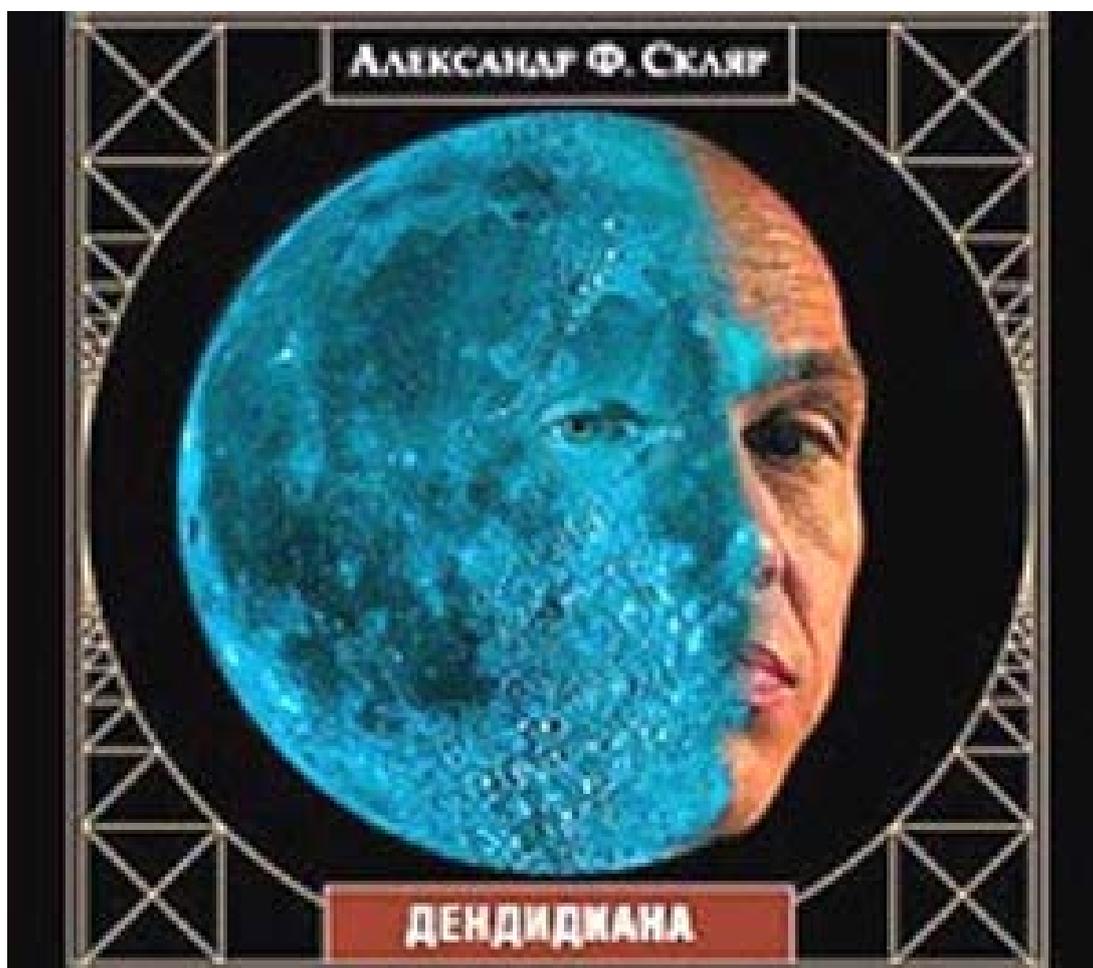
¹ Ровнер А. Вспоминая себя: книга о друзьях и спутниках жизни. Пенза, 2010. С. 122.

² «Георгия Ивановича» из автобиографической книги А. Пятигорского *Философия одного переулка* (Л., 1989).

³ Сам Скляр говорит о том, что это название связано с маркой дешёвого портвейна «777».

Призыв «Учитесь плавать!», исходивший из уст Головина, которого в Южинском переулке называли не иначе как Адмирал, был обращён к простым поклонникам русского рока. Восходил он, судя по всему, к алхимическому влажному пути, способу получения философского камня, связанному, согласно Головину, с Афродитой, Дианой и Дионисом. В книге *Приближение к Снежной королеве* московский алхимик, которого единомышленники уподобляли Дионису, посвящает одну из главок Диане – богине полумесяца, севера и серебра. Обложка альбома *ДендиДиана* говорит сама за себя: на ней лицо Александра Ф. Скляра плавно превращается в лик Луны. Эта странная голова, вписанная в окружность, напоминает нам об эзотерическом гермафродите, связанном с Солнцем и Луной. В песне «Компас» из этого альбома говорится следующее:

Циркуль – наше с тобою сравнение
И ты моё острие.
Я мотаюсь на пьяной линии,
Ты выравниваешь её.
Мы с тобой похожи на компас:
Я верчусь туда и сюда,
Но ты мой северный полюс
И невидимая звезда.

Многозначный символ, циркуль, в данном случае может быть понят с одной стороны как олицетворение алхимического гермафродита, с другой – как символ корабелов, навигаторов и картографов, не говоря уже о традиционном масонском значении этого предмета как символа умеренности и благоразумия, а также стремления к высшему и духовному. Скрещенный с наугольником, циркуль изображает небесный свод и является одним из наиболее запоминающихся образов братства, идущим от масонов. Многозначность трактовок естественна при анализе текстов Евгения Головина, которые похожи на сад расходящихся тропок. Единственное, что можно сказать о его наследии наверняка – это то, что он действовал в рамках европейского герметизма и тайной, мистериальной традиции. Проблема, возникающая у исследователей этой традиции, заключается прежде всего в том, что она подобна непроявленной фотоплёнке и легко засвечивается, существуя только во мраке молчания.

То, что в последнее время тайная традиция становится явной, судя по всему свидетельствует об её угасании. Или, по словам Игоря Сида, не может книга под названием «Тайная доктрина» продаваться многотысячным тиражом, превращая своё название в чистой воды оксюморон.

Но, тем не менее, процесс легитимизации тайной, гностической традиции происходит на наших глазах. Для России этот процесс носит особый характер. Культуролог Игорь Яковенко полагает, что российская цивилизация в целом несёт в себе манихео-гностический комплекс, проявляющийся в мироотречности, жёстком разделении на два противоборствующих лагеря, участвующих в последней битве сил Добра и Зла, убеждённости в приоритете Духа и профанации материального космоса⁴.

История России XX века была такова, что гностическое культурное ядро подпитывалось историческими обстоятельствами. Угроза репрессий порождает логическую связь между тираном и демиургом, запрет веры и просветительский упор на знание – легализацию познания божественного, свойственного для гностицизма. Вообще все основные советские массовые процессы могут быть поняты через призму гностической идеологии. Так, сталинские лагеря – это метафора пребывания на земле как тюремного заключения, выделение номенклатуры как класса – это признание особых прав электов, борьба с мещанством – противодействие злой материи. Даже позитивистское название популярного журнала «Знание – сила» может быть понято как признание мощи гнозиса.

В ещё более узком смысле нужно сказать о тенденции к актуализации гностических понятий в постсоветской культуре, связанной с распадом единого государственного пространства, переживаемого как Конец Света. Один из учеников Головина вспоминает, как тот «рассказывал, что в IV веке последние греческие язычники видели в массовом порядке "похороны богини Дианы": она лежала, не-

⁴ Яковенко И.Г. Манихео-гностический комплекс русской культуры // Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое. М., 2007. С. 73-194.

подвижно, застыло, на похоронных носилках, и грустные, бледные нимфы молчаливо лили свои фиолетовые ядовитые слезы...⁵». Это мироощущение смерти языческого мира в каком-то смысле соотносимо с тем, что испытали граждане бывшего СССР. Но даже архитектурно то, что осталось от советской цивилизации, настраивает скорее на гностический лад. Вот что Головин говорил о московском районе Люблино: «Всякий раз, когда очередной демиург заболевает и отходит в конвульсиях, в мире воцаряется некоторая пауза. Новый демиург еще не готов, и реальность разевает свой оржавленный рот и хлопает ресницами ледяных могил. Ритм рождений и смертей прерывается, остается недоумение. Оно-то и воплощено в том, что мы видим. Мир умер, но не все это заметили...⁶».

Евгений Головин всё же фигура переходная. Основная его деятельность была связана с устной передачей мистического знания. Только в последние годы жизни он стал оформлять свой опыт в книги. Популярный писатель Виктор Пелевин, печатающий каждый год новую книгу – его полная противоположность. Тем не менее, они выпустили совместный музыкальный альбом *Нижняя тундра*: группа «Ва-Банкъ» при участии Евгения Головина и Виктора Пелевина.

Автор культового романа *Чапаев и Пустота*, чьё название отсылает как к буддийской Шуньяте⁷, так и к КенOME гностика Валентина, известен своим интересом к буддизму. Его внимание к гностицизму менее очевидно, хотя, как отметил жж-юзер archmag по поводу произведений этого писателя: «Почему-то всегда, когда европеец увлекается буддизмом, он рано или поздно впадает в гностицизм⁸». Итак, в последнем романе Пелевина *T* мы встречаем Ариэля, беседующего с главным героем, названным буквой «Т.» и путешествующим в Оптину Пустынь. Ариэль у гностиков – это архонт с головой льва, создатель материального мира.

У Пелевина он – собеседник Льва Толстого, зашифрованного под инициалом «Т.», являющийся писателю-классику в виде деревянной куклы, отражающей его природу: «Кто вы такой? — спросил Т. Деревянный рот куклы издал несколько сухих звуков, похожих на что-то среднее между смехом и стуком. — Я уже представился в прошлый раз. Я ваш создатель. Мое имя Ариэль. Как и положено создателю, в настоящий момент я творю вас и мир. Я имею в виду, ваш мир. — Это я помню, — сказал Т. — Но кто вы по своей природе? Вы Бог? — Лучше считайте меня ангелом, — сказала кукла. — Мне будет приятно. — Вы падший ангел? Князь мира сего? Кукла зашлась деревянным смехом. — Вам не кажется, граф, что слово «падший» применительно к князю мира отдаёт просто небывалым лицемерием? Люди наперебой соревнуются, чтобы получить у него какую-нибудь

⁵ Дугин А. Auf, o Seele! Эссе о философе Евгении Головине // НГ Ex libris. 2003. № 11(276). URL: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2003-03-27/3_essay.html.

⁶ Там же.

⁷ Шуньята – Пустота/Единое, возникает при поисках различий между субъектом и объектом, которых нет, на пути к великой Полноте.

⁸ URL: <http://archmag.livejournal.com/65007.html>.

работенку, и отчего-то называют его при этом «падший»... — Что вы хотите этим сказать? — Пока ничего, граф, — хмыкнула кукла. — Так, делось наблюдениями. — Просто мне не нравится выражение «падший ангел». Если хотите, считайте меня пикирующим ангелом⁹».

Лев Толстой, разговаривающий с архонтом, сам становится в каком-то смысле демиургом, как писатель, создающий в своих романах целый мир. Особым образом обыгрывается и имя писателя – Лев, становясь своеобразной отсылкой к гностическому тексту: «И Тень та была брошена в некое место. И ее творение стало работой в материи, подобно выкидышу. Оно получило форму от Тени и стало надменным зверем в виде льва. Он двуполой, как я уже сказал, потому что он вышел из материи. Он открыл свои глаза, увидел великую бесконечную материю и возгордился, говоря: "Я Бог, и нет иного, кроме меня". Когда он сказал это, он согрешил против Всего¹⁰». Это – цитата из «Ипостаси архонтов», космологического текста из Наг-Хаммади, упоминающегося в другом романе Виктора Пелевина, *Empire «V»*, где двое вампиров устраивают стихотворную дуэль.

Вампир по имени Рама пишет стихотворение «Стас Архонтофф», используя для этого «олбанский язык», т.е. язык сленг интернет-субкультуры, распространённой в 2000-е, но сейчас уже угасшей. Её adeпты пренебрегали нормами литературного русского языка и называли себя «падонками». Вот это стихотворение:

СТАС АРХОНТОФФ

Зачем скажи Начальнег Мира
Твой ладен курицца бин серой?
Кто Бени, Фици, Ары пира?
Они тваи акционеры?
Зачем ты так нипабедимо
Керзою чавкаиш в ацтои?
Каму кадиш в тумани виннам
Под купалами Главмосстройа?
Ты щаслеф. Ветир мньот валосья,
Литит салома тибе ф морду.
Но биригис. Твой след ф навози
Уж уведал Начальнег Морга¹¹.

Оно снабжено размышлениями вампира: «Я перечитал это мрачное пророчество три раза, проверяя и исправляя ошибки. Переправив "они" на "ани", я с гордостью ощутил, что сам не понимаю написанного до конца». Заметим, что здесь

⁹ Пелевин В. Т. М., 2009. С. 47.

¹⁰ URL: <http://www.gnostik.ru/bogomil/hypostelan.html>.

¹¹ Пелевин В. *Empire «V»*: повесть о настоящем сверхчеловеке. URL: <http://pelevin.nov.ru/romans/pe-empire/index.html>.

вампира Рама следует методу Гурджиева, который, многократно переписывал текст книги *Рассказы Вельзевула своему внуку*, добиваясь того, чтобы он был максимально тёмным и непонятным¹². Далее вампир раскрывает происхождение названия: «существовал гностический текст "Ипостась Архонтов", который мы проходили на уроке дискурса. Я, помнится, подумал тогда, что это хорошее имя для московского ресторатора ("любимец московской богемы Ипостась Архонтов открывает новый гламурный вертеп "Лобковое Место"...). А теперь боевая муза нашарила Ипостаса в моей памяти. Особенно мне нравилась двенадцатая строка: одной из проекций словосочетания "уж уведал" на стандартный русский было "уж увядал", и тогда грозный смысл всего стиха, предрекающего гибель князю мира сего – той самой гностической змее с головой льва (змея, уж – какая разница), – концентрировался в одной точке, как и требовалось¹³».

Причём это стихотворение, написанное с помощью галлюциногена, сочетающего в себе язык Тютчева и «олбанский», признаётся Рамой – Вампиробогом, проигравшем в битве с Митрой, содержащим «все культурные и сущностные проблемы современной цивилизации...¹⁴». Интересно, что наставник вампира – вампир-толстовец объясняет нашему герою необходимость взросления с помощью цитат из манихейской песни Виктора Цоя «Звезда по имени солнце»: «Знаешь песню – "земля, небо, между землей и небом война..." Не думал, про что она? Я тебе скажу. Война потому идет, что никто не знает, где небо, а где земля. Есть два неба. Два противоположных верха. И каждый из них хочет сделать другой верх низом. Это уже потом он землей называться будет, когда вопрос решится. Но в какую сторону он решится, никто не в курсе. И ты в этой войне полевой командир, понял? Князь мира сего – это ты¹⁵».

В последней фразе высказывается традиционная для Виктора Пелевина мысль о том, что в самом обычном на первом взгляд человеке (таков Семён Левитан из сборника *Ананасная вода для прекрасной дамы*) скрывается и Бог, и Дьявол, вплоть до полного отождествления с этими сущностями.

Другой популярный писатель, Владимир Сорокин, по мнению Михаила Бойко – участник целого направления в современной литературе, которое критик называет «гностическим романом¹⁶». Трилогия писателя, в которую входят романы *Путь Бро*, *Лед*, *23000* повествует нам о противостоянии Сынов Света и Мясных машин, т.е., в гностической терминологии – пневматиков и соматиков. Интересно, что поиск избранных, которых нужно найти ровно 23 тысячи, активно ведётся по всему миру. В 1960-е отдельно упоминаются три места: «В громадной Библиотеке имени Ленина мы нашли восьмерых. В Библиотеке иностранной литера-

¹² Руднев В. Гурджиев и современная психология. М., 2010. С. 20.

¹³ Пелевин В. Empire «V».

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Бойко М. Мистерии пространства и времени: о современном гностическом романе // ИГ Ex Libris. 2007. № 36(433). URL: http://exlibris.ng.ru/tendenc/2007-10-04/7_misterii.html.

туры – троих. В Исторической – четверых¹⁷». Это совпадает с тем, что мы знаем о мистиках второй волны – судя по воспоминаниям очевидцев, они находили друг друга через библиотечные запросы. Ледяная космогония Владимира Сорокина, по мнению писателя Михаила Елизарова, восходит к гностической сказке Г.Х. Андерсена *Снежная королева*¹⁸. Причём Елизаров трактует Снежную королеву как гностическую Софию. Андерсен, несомненно, был знаком с европейской эзотерикой и алхимией¹⁹, но это – тема отдельного разговора. Стоит добавить, что книга Евгения Головина, в которой можно найти много ссылок на гностическое учение и алхимические трактаты, называется *Приближение к Снежной королеве*.

Михаил Попов, пожалуй, пошёл в своей гностической откровенности дальше всех, и назвал свой роман *Плерома*. Речь в нём идёт о субстанции, спустившейся на Землю, заволокшей всё небо маревом так, что не было видно солнца и приведшей к тому, что самым ценным на Земле стало время, поскольку нельзя было определить ни дня, ни ночи. Люди перестали умирать, а те, кто уже умерли, были воскрешены в лазаретах. Повествование ведётся от лица невольного убийцы, который должен помириться со своей жертвой для достижения всеобщей гармонии. Его сестра, умершая рано, в этой новой жизни участвует в поиске человеческих останков, поскольку у неё сохранилась связь с миром мёртвых. В том числе, она помогает Борису Натановичу Стругацкому найти прах Аркадия Натановича, развеянный в лесу. И это, пожалуй, единственный известный человек, которого смогла увидеть только что оживлённая жертва героя. При оживлении любой человек может выбрать себе десять собеседников (как правило, это известные люди), с которыми он хотел бы пообщаться, и те не могут ему в этом отказать. Этот выбор определяет дальнейшую судьбу оживлённого, поскольку разговора с наиболее востребованными людьми приходится ждать годами. Так почему же именно Стругацкие? Дело в том, что именно братья-фантасты создали первый в СССР роман, одно из действующих лиц которого – Демиург. Когда к последнему приходит майор КГБ, происходит следующий разговор:

- Кто вы такой?
- У меня много имен. Меня зовут Гончар, Кузнец, Ткач, Плотник, Гефест, Гу, Ильмаринен, Хнум, Вишвакарман, Птах, Яхве, Милунгу, Моримо, Мукуру... Достаточно, я полагаю?
- Я не спрашиваю ваше имя. Я спрашиваю, кто вы такой.
- Я гончар, кузнец, плотник, ткач... Неужели мало? Я Демиург, наконец.

¹⁷ Сорокин В. Лёд // Сорокин В. Собр. соч. в 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 788.

¹⁸ Елизаров М. Снежная королева: развенчание гностического мифа. URL: <http://www.snob.ru/profile/blog/5172/5291>.

¹⁹ Дайс Е. Алхимик Андерсен // Нева. 2009. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/7/da21.html>.

- Но вы, я полагаю, человек?
- Конечно! В том числе и человек!
- А еще кто?
- Вы что - не знаете, кто такой демиург? Так посмотрите в словаре²⁰.

Это роман *Отягощённые злом*, чьё название объясняется в «Необходимых пояснениях», написанных от лица Игоря К. Мытарина: «Первое время я думал, что это цифры "ноль" и "три", и только много лет спустя сообразил сопоставить эти буквы с эпитафией на внутренней стороне клапана папки: "...у гностиков ДЕМИУРГ – творческое начало, производящее материю, отягощенную злом"²¹». Данная цитата была взята авторами из *Мифологического словаря* Е.М. Мелетинского²². Вот что говорит по поводу этого последнего романа братьев, написанного в 1988 году, Борис Стругацкий: «Наш Иисус-демиург совсем не похож на того, кто принял смерть на кресте в древнем Иерусалиме — две тысячи лет миновало, многие сотни миров пройдены им, сотни тысяч благих дел совершены, и миллионы событий произошли, оставив — каждое — свой рубец. Всякое пришлось ему пережить, случались с ним происшествия и поужаснее примитивного распятия — он сделался страшен и уродлив. Он сделался неузнаваем. Обстоятельство, вводящее в заблуждение множество читателей: одни негодуют, принимая нашего демиурга за неудачную копию булгаковского Воланда, другие — попросту и без затей — обвиняют авторов в проповеди сатанизма, в то время как наш демиург на самом деле — это просто Иисус Христос две тысячи лет спустя²³». Борис Стругацкий определяет сюжетную основу романа как историю борьбы и гибели Настоящего Учителя.

В недавно вышедшем романе Дмитрия Быкова *Остромов, или ученик чародея. Пособие по левитации* показан как раз учитель ненастоящий. Сюжет этого произведения построен на авторской интерпретации «Дела ленинградских масонов» 1926 года, с использованием книги А.Л. Никитина *Эзотерическое масонство в советской России*. Главные герои – маг Остромов, отсылающий к масону Борису Астромову и его ученик Даниил Галицкий, чьими прототипами являются Даниил Жуковский – сын поэтессы-антропософки Аделаиды Герцык и Даниил Андреев, автор *Розы мира*. В каком-то смысле, Дмитрий Быков закольцовывает круг, возвращая современного читателя к непроработанным в первую волну русского мистицизма проблемам.

Несколько страниц этого 800-страничного романа посвящено описанию эонов, по которым путешествует Даниил Галицкий, научившийся летать под руково-

²⁰ Стругацкий А., Стругацкий Б. *Отягощённые злом*. URL: <http://lib.ru/STRUGACKIE/otqg-zlom.txt>.

²¹ Там же.

²² Мелетинский Е. М. *Мифологический словарь*. М., 1991. Т. I. С. 366.

²³ Стругацкий Б. Комментарий к пройденному: глава восьмая 1987-1991. URL: <http://epizodsspace.testpilot.ru/bibl/fant/strugatskie/kommentariy/08.html>.

дством своего лже-учителя. Первый эон описывается как ритмическая туманность, во втором царствовала пара эгрегоров, для прохождения в третий требовалось число, полученное от учителя.

Надо сказать, что текст Быкова существует на двух уровнях, читатель может воспринимать его как сатиру, тогда Остромов предстаёт в качестве Хлестакова, а может как «руководство по левитации» и тогда маг мгновенно превращается в Симона Мага. Пример этого странного дискурса Быкова – две фразы, идущие одна за другой: «Или, например, почему Маркион²⁴ не основал церкви, хотя имел к тому, казалось бы, все основания. Или почему блондинки громче кричат в определенной позиции...²⁵». Именно так и написан этот роман.

Большинство критиков воспринимают это произведение как классическую историю об «ученике волшебника». И, действительно, в нём есть маг-инициатор, ученик-инициант и возлюбленная героя, т.е. Мерлин, Артур и девица Вивиан, если мыслить в рамках Артуровского цикла. Но проблема состоит в том, что параллельный сюжет – история о Варченко, действительно читающем мысли, и собирающем экспедицию в Тибет, остаётся за скобками. «Предполагалась экспедиция из вернейших, ровно тринадцать истинных освободителей демиурга – тот, почувяв приближение героев, начал уже транслировать ритуал, который предстояло Варченке проделать в Тибете, – но случилась война, и все отложилось на неопределенное время. Варченко ездил на войну корреспондентом, самой же службы избежал, ибо негоже гибнуть тайнознатцу, да еще так близко от цели; когда грянула революция, он почувствовал, что это – то. Это было приблизившееся царство Демиурга, крах морали, которую Александр Валерьевич и так уж испроверг, заведя в Москве коммуны из трех жен и пяти учеников, верно ему служивших и, по сути, его содержавших. Он в этом греха не видел. Он вообще не видел греха... Переезд правительства сказал ему, что надо действовать. Он пошел к тем из них, на кого был смысл равняться: все решали дзержинцы, тайная сеть несомненно оккультной природы. И он не ошибся – в нем с порога признали своего²⁶». Крах кружка Остромова, тюрьма и ссылка для мага и его нерадивых учеников – всех, кроме Даниила Галицкого, следствие того, что Варченко увидел в нём шарлатана, и не признал в качестве одного из тринадцати истинных освободителей демиурга. Таким образом, роман *Остромов* предстаёт в качестве ещё одной попытки гностического описания вселенной, в которое сам автор, похоже, не верит, что не мешает ему создавать яркие образы, становящиеся реальностью для других.

Гностицизм многих известных современных русских писателей давно уже не вызывает у критиков никакого сомнения, часто принимая конъюнктурные или пародийные формы. Субкультура русских рокеров насквозь проникнута гностиче-

²⁴ Гностик Маркион (II в. н. э.), чье учение было популярно в 1920-30-е гг. в советском эзотерическом подполье.

²⁵ Быков Д. Остромов, или Ученик чародея. М., 2010. С. 593.

²⁶ Там же. С. 302-303.

скими смыслами. А такие слова, как «плерома» и «демиург» прочно вошли в массовую культуру. Смещение жанров доходит до того, что музыкант Псой Короленко исполняет песню о Плероме на мотив мелодии из мультфильма *Бременские музыканты*. Сходные процессы идут на Украине, где известный писатель-мистик Владимир Ешкилев издаёт уже много лет альманах *Плерома*, один из выпусков которого был преобразован в энциклопедию современной украинской литературы с подзаголовком «Возвращение Демиургов».

В каком-то смысле, современные писатели и становятся в нашу, секуляризованную эпоху настоящими Демиургами, создающими целые виртуальные миры. Так, Дмитрия Быкова в рецензии на роман *Остромов* на портале OpenSpace называют демиургом особого типа, похожим на аутичного ребёнка²⁷. И это не удивительно, ведь мир, который описывает Быков – это мир тюрьмы и прижизненного ада: «Ему Россия кажется тюрьмой», «Из букв, составляющих "Ленинград", / Горят последние две». Жизненная философия, выраженная в необходимости жениться для того, чтобы было кому передавать тюремные передачи, гностична по самой своей сути: «Поэтому романы/ В России кратки, к тому же всегда негде. / Нашли убогий угол, быстро слиплись, / Быстро разлиплись, подали заявленье, / Сложили чемодан и ждут ареста²⁸».

Мир как тюрьма – известная гностическая метафора, характерная не только для Дмитрия Быкова, как для носителя трагического русского сознания, выражающегося в поговорке «От тюрьмы да от сумы не зарекайся!». Тексты известного писателя Михаила Шишкина, лауреата всех возможных литературных премий, проникнуты описанием того, как невинный человек попадает в тюремный ад. Александр Солженицын в своё время стал известен своей эпопеей *Архипелаг Гулаг*, Фёдор Достоевский описывал жизнь преступников, попадающих на каторгу и проституток (ипостась гностической Софии, падшего зона), Чехов посвятил книгу *Остров Сахалин* описанию жизни российских каторжников. Вообще русские писатели неподражаемы в описании тюрьмы, именно потому что зачастую и вся жизнь в России воспринимается через тюремную призму. Блатной шансон звучит с телеэкранов, Михаил Круг становится заслуженным артистом России, а тюремная отсидка только прибавляет славы и романтического флёра разнообразным певцам (от Вадима Козина до Александра Новикова). И это всё происходит потому, что русская культура по своей сути гностична²⁹.

Однако, не только русская. В классической западной рок-песне группы «The Eagles» – бессмертном хите XX века «Hotel California», можно найти такие гностические мотивы, которые русским рокерам даже не снились. По сюжету, герой песни ночью попадает в придорожный отель, где его встречает таинственная не-

²⁷ Кронгауз М., Бурас М. Избывание избыточности, или Трудности чтения. URL: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/19920/>.

²⁸ URL: http://www.mccme.ru/~jedal/misc/bykov_verses.html.

²⁹ Яковенко И. Г. Манихео-гностический комплекс русской культуры.

знакомка, при этом мерцает свет (как в мистериях при появлении Персефоны), а он размышляет, попал ли он в рай, или в ад. Девушка говорит герою «We are all just prisoners here/ Of our own device³⁰» В коридоре герой слышит голоса, которые приветствуют его, но не видит их обладателей, которые собираются затем на пир, но никак не могут заколоть некое животное с помощью стальных ножей. Отметим ещё несколько странных моментов. К метрдотелю герой обращается как к капитану, а прося вино, получает от того ответ: «We haven't had that spirit here/ Since nineteen sixty nine³¹». «Spirit» – многозначное слово и в первую очередь означает дух или душу, как и исходное латинское «spiritus», также включавшее в себе коннотации, связанные с алкоголем. В текстах русских рокеров, впрочем, отсутствие вина или сигарет также свидетельствует об экзистенциальном кризисе³². А у Виктора Цоя мы находим удивительно перекликающуюся с песней «Hotel California» строчку «Я искал здесь вино, а нашёл третий глаз» (из композиции «Камчатка»).

В целом обстановка отеля с его изысканным розовым шампанским, предполагающим и особенную еду, невидимыми гостями и таинственной спутницей, напоминает о дворце Амура в *Метаморфозах*... Апулея, где под маской Психеи легко увидеть Персефону в гостях у Аида. Или Орфея в гостях у Смерти, из фильма Жана Кокто *Орфей* (1950). Когда герой пытается бежать, его останавливает «night man» - буквально «тот, кто работает в ночную смену» и сообщает, что из этого отеля ему не уйти никогда.

Многозначность, которая неизбежно возникает при анализе шедевра, тем не менее сужается с помощью фраз о том, что отель – это сакральное место (то ли ад, то ли рай), и тюрьма, из которой нет выхода. Популярная композиция тем самым предстаёт перед нами как рассказ о сверхчувственном событии, связанном с переживаниями жизни как смерти, а загробного существования как пира мёртвых. «Одни танцуют, чтобы вспомнить. / Другие – чтобы забыть» – поётся в ней, и мы не можем не связывать это с имевшим популярность на Западе в годы возникновения песни учением русско-армянского мистика Георгия Гурджиева, который обучал своих последователей танцам дервишей для того, чтобы они смогли вспомнить своё истинное «Я».

На примере этой песни мы видим, как пробуждающаяся в XX веке мистериальная традиция с её установкой на индивидуальный экстаз, трансовые состояния и приобретённый путём инициации экзистенциальный опыт, работает в массовой культуре. Не только литераторы, но и музыканты, озабоченные количеством своей аудитории, используют в своём творчестве идеи, смыслы и символы, связанные с мистериальной традицией.

³⁰ Мы здесь только узники, своим особым образом (англ.).

³¹ У нас не было этого алкоголя с 1969 года.

³² Дайс Е. Русский рок и кризис современной отечественной культуры // Нева. 2005. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/1/dais11.html>.

Отель «Калифорния», о. Мадагаскар. Фото Игоря Сиды.

Надо сказать, что идея спасения, развитая в официальной традиции, в настоящее время уже практически не работает, и на её место приходит идея индивидуального постижения Абсолюта. В XX веке человек понял, что Бог его не спасёт, и стал спасать себя сам. В этой богооставленности есть и свои позитивные моменты – по крайней мере, она порождает мистериальное искусство, восходящее к традициям древности, когда природа и человек были скорее слиты, чем разделены.